

В ЭТОМ НОМЕРЕ 12 СТРАНИЦ.

РУССКИЕ НОВОСТИ

№ 476

16 JUILLET 1954

Les Nouvelles Russes

Выходит по пятницам

10-й ГОД ИЗДАНИЯ
DIXIÈME ANNÉE.

Tous les vendredis

PRIX DU NUMERO

40 frs

ОСНОВАТЕЛЬ А. Ф. СТУПНИЦКИЙ

Адрес Редакции и Конторы : 16, rue du Croissant — PARIS 2 — Tél.: CEN. 44-27.

Fondateur A. Stoupnitzky

НА БЛАГОУСМОТРЕНИЕ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА

ЦЕНЗУРНЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ ЧЕХОВА

ЧЕХОВ не считался «крамольным» писателем и на особом подозрении у блюстителей благонадежности не состоял. Цензура, на обязанности которой лежало наблюдение за каждой написанной и приготовленной к печати строкой, не оставляла в покое и его. В архивах министерства вн. дел был найден ряд рапортов и докладов цензоров о произведениях Чехова. Большинство из этих документов можно было бы присоединить к собранию сочинений Чехова в качестве юмористических рассказов: более жестокую сатиру на цензурное ведомство придумать трудно.

9 мая 1885 года Чехов писал редактору «Осколков» Лейкину: «Чуть не разревелся, прочитав в вашем письме о судьбе рассказа «Упразднили». Не жаль мне достоинств, каковых в нем мало, но жаль денег, которые я мог бы за него получить...»

Письмо это было ответом на сообщение Лейкина, что рассказ «Упразднили» запрещен цензурой. Позже был найден доклад цензора Сватковского С.-Петербургскому цензурному комитету «об юмористическом очерке Чехова «Упразднили». Он стоит то го, чтобы воспроизвести его полностью:

«1 мая 1885 г.

В рассказе Чехова осмеиваются распоряжения правительства по поводу отмены чинов майора и прапорщика и запрещения духовенству носить ордена во время церковной службы, а также слухи о том, что чин действительного статского советника не имеет титула превосходительства. Для этого выводятся деревенские жители, оставшиеся прапорщиками и майорами, а по поводу титула превосходительства — предводитель дворянства. Цензор полагает подобную насмешку неудобной к появлению с разрешения цензуры, и рассказ полагает запретить по неуместной шутке над правительственными распоряжениями относительно отмены чинов прапорщиков и майора, погон на гражданской форме, орденов на духовных служителях во время церковной службы и титула превосходительства».

В согласии с мнением Сватковского, цензурный комитет опреде

лил: «Статью «Упразднили» к печати не допускать».

Это запрещение было, впрочем, скоро снято. Как писал Лейкин Чехову 19 мая, «рассказ «Упразднили» дозволен цензурой в третьей инстанции. Цензуровал его сам начальник главного управления по делам печати Феоктистов, правая рука Каткова, и, сверх всякого ожидания, дозволил к печати». Рассказ был напечатан в № 21 «Осколков» за 1885 г.

Не менее замечателен доклад того же цензора Сватковского по поводу рассказа Чехова «Звери» (позже он был напечатан под заглавием «Циник»). 9 октября 1885 года Сватковский докладывал:

«Управляющий одного зверинца объясняет публике зверей, с психологиею и тенденциею. Объясняющий пьян; обращаясь ко льву, насмешливо говорит: «Ты, царь зверей... синоним могущества... ты навел ужас на окрестности... а теперь... хо-хо-хо... а теперь, болван этакий, сидит в клетке... думал, что сильнее и зверя нет... — ан, вышло, что дура судьба сильнее...хоть и дура она, а сильнее...» и т. д., в таком же роде...»

В подобных объяснениях слышится какая-то пессимистическая тенденция, чувствуются тенденциозные намеки и смех на превратность судьбы не только малых, но и могущественных людей, на безвинные несчастья и страдания, на безнадежность по бежденных, поработенных и пр. Имея в виду неопределенность тенденции и возможность понимать ее в другую сторону, цензор полагает не допускать этой статьи».

По докладу Сватковского, рассказ был запрещен вместе с семью другими статьями «по тенденциозности, неуместности, обличительному характеру и неприличию». 10 октября 1885 г. Лейкин писал Чехову:

«Целый погром! Цензор все захерил.. Я просил пропустить «Зверей» и утверждал, что это невинный рассказ, но в комитете мне сказали: «Неужели мы не понимаем, что тут речь идет не о зверях?...»

Весьма характерен документ из архивов цензурного комитета, относящийся к известному драматическому этюду Чехова «На

большой дороге». Характерен он не только своим содержанием, но и личностью подписавшего его: этому человеку были вручены судьбы русской драматургии, и на его усмотрение поступали произведения русских писателей!

Вот этот документ.

«23 сентября 1885 г.

«На большой дороге». Драматический этюд в 1 действии, соч. А. Чехова.

Действие происходит в кабаке, на большой дороге. Среди всяких бродяг и проходивцев, зашедших в кабак обогреться и переночевать, оказывается разорившийся дворянин, который умоляет целовальника дать ему выпить в долг. Из разговоров выясняется, что дворянин занял с горю вследствие того, что жена бросила его в день свадьбы. Случайно, чтобы укрыться от непогоды, попадает в кабак барыня, в которой несчастный прохолец узнает свою вероломную супругу. Один из посетителей кабака, сочувствующий пьяному дворянину, замахивается на нее топором, но его удерживают, и драматический этюд оканчивается неудавшимся покушением.

Мрачная и грязная пьеса эта, по моему мнению, не может быть допущена к представлению.

Цензор драматических сочинений Кейзер фон Нилькегейм.

Резолюция: Запретить. Е. Феоктистов».

Господин Кейзер фон Нилькегейм был не одинок в цензурном комитете. Другой его сородич, цензор Энгельгардт, давал свой отзыв о рассказе «У предводительницы» (он, между прочим, имеет рассказ в своем рапорте: «У предводительницы», что характеризует знание цензором русского языка и его оттенков).

«Автор», — пишет цензор Энгельгардт, — «говорит о панихиде и молебне как то пренебрежительно и рисует пьяного священника и диакона. Рассказ этот не годится для народного чтения, по мнению цензора».

Много позже, уже в 1903 году, к чеховским пьесам приложил руку еще один сподвижник г.г. Кейзера фон Нилькегейма и Энгельгардта — цензор Ламкерт.

«Уездный комитет попечительства о народной трезвости в г. Александровске», — писал он в своем рапорте, — «обратился в

главное управление по делам печати с ходатайством о разрешении к постановке на сцене народных театров пьес Чехова «Иванов», «Чайка» и «Дядя Ваня». Принимая во внимание, что во всех трех пьесах рисуются быт образованных классов в непривлекательном виде, причем безнравственные точки зрения общепринятой морали, поступки и отношения выводимых автором лиц выставляются в симпатичном свете, вследствие чего не могут не смутить народных воззрений на нравственность, я полагал бы ходатайство о допущении названных пьес к исполнению в народных театрах отклонить. Цензор драматических сочинений Ламкерт».

На рапорте стоит приписка:

«Со своей стороны всецело присоединяюсь к заключению господина цензора. Д. с. с. И. Литвинов», и резолюция начальника главного управления по делам печати: «Согласен. 7 - VI».

Забавное разногласие между цензорами вызвал «Медведь».

Цензор драматических произведений С. Донауров усмотрел в этой невиннейшей «шутке в одном действии» все признаки «неблагонадежности»: помещик и помещица «осыпают друг друга самой площадной бранью», потом они кидаются друг другу в объятия, соединяясь в продолжительном поцелуе (слово «продолжительный» цензором подчеркнуто).

— Неблагоприятное впечатление, производимое этим более чем странным сюжетом, — писал в своем докладе от 22 сентября 1888 года цензор Донауров, — еще увеличивается вследствие грубости и неприличия тона всей пьесы, и потому я полагал бы, что к представлению на сцене она совершенно непригодна.

Такое рвение удивило даже начальство Донаурова — главного цензора Энгельгардта, который положил на докладе следующую резолюцию:

— Я эту пьесу читал. Мне кажется, что следовало бы исключить из нее некоторые грубые выражения, а что касается сюжета, то при всей пустоте его, он не содержит ничего предосудительного.

Месяц спустя, 28 октября 1888 года, «Медведь» был с успехом разыгран на сцене театра Корша, в исполнении Н. П. Соловцова и Н. Д. Рыбчинской.